

РЕЛИГИОЗНЫЙ МИФ КАК НЕПРЕМЕННОЕ УСЛОВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

М.В. Щеглик

Томский политехнический университет

E-mail: mariyasheg2007@rambler.ru

Проанализированы феномены мифа и религии, их содержание и функции. Выявлено взаимоотношение религии и мифа. Проведен анализ понятий «бессознательного», «коллективного бессознательного» и «архетипов» в теории К.Г. Юнга. Раскрыто содержание понятий «мифологический символ», «архетипический образ». Рассмотрена гипотеза возникновения религиозного мифа как продукта бессознательной психики.

Ключевые слова:

Мифология, религия, религиозный миф, коллективное бессознательное, архетипы.

Религия является главным отличием человека от других видов живых существ. Археологические находки показывают, что вера в «божественное» свойственна человеку на самых ранних этапах существования, а не является переходной стадией развития человечества. Как доказательство можно привести тот факт, что многие выдающиеся ученые, авторы современной картины мира, представляющие разные отрасли науки, стояли на позициях, противоположенных материализму. Среди них можно отметить имена И. Ньютона, А. Эйнштейна, М. Планка, Н. Бора, Э. Шредингера, А. Эддингтона, Г. Кантора, П. Тейяра де Шардена, Ч. Дарвина, А. Тойнби, К. Юнга, Ч. Таунса, Р. Шовена, А. Бергсона, К. Ясперса. Приведем цитату М. Элиаде, видного историка религий XX в.: «На самых архаических уровнях культуры *жить, как подобает человеку*, — само по себе есть *религиозное действие*, потому что принятие пищи, половые отношения и труд имеют сакраментальную ценность. Другими словами, *быть...человеком* означает быть «религиозным» [Везде курсив автора. 1. С. 6].

Как относится миф к религии? Основа любой религии, даже «примитивно» сформированной, — это вера в «священное», в абсолютную реальность, в высшую волю и законы. А. Менз называет религию восстановлением связи между человеком и Богом и приводит цитату С. Булгакова: «Пафос религии есть пафос расстояния, и вопль ее — вопль богооставленности» [2. С. 16]. Миф, по знаменитому определению А. Ф. Лосева, — это «в словах данная чудесная личностная история» [3. С. 249]. Основная категория в этой диалектической формуле — категория чуда, которая вытекает единственно из веры в «сверхъестественное», т. е. божественное, священное. Любая мифология является только формой выражения религиозности. «Без религии и без вопросов субстанционального самоутверждения личности в вечности не может появиться никакая мифология» [4. С. 208]. А.Ф. Лосев называет мифологию синтезом богословия и религиозного поведения, религиозной поэзией и искусством [4. С. 208–209]. Мы бы назвали мифы иллюстрациями к религиозному мировоззрению, непосред-

ственным символическим отражением макрокосма и микрокосма, формой выражения, хранения и передачи сокровенных знаний, имеющих статус «истинных».

Однако может возникнуть сомнение, действительно ли религия является основой любого мифа, в том числе, например, политического, исторического, светского, а не только именно религиозного? Современный нерелигиозный человек «считает себя единственным субъектом и объектом Истории», «не признает никакой модели человечества, выходящей за рамки того поведения человека, какое может быть выведено из анализа различных исторических ситуаций» [5. С. 126]. Есть ли вообще место мифу в безрелигиозном обществе, тем более, мифу, основанному на религии? При ответе на этот вопрос важно не забывать, что нерелигиозный человек происходит от человека религиозного, что он есть продукт ситуаций, происходивших с его предками. Здесь уместно будет упомянуть теорию К.Г. Юнга о «коллективном бессознательном». Согласно этой теории, коллективное бессознательное состоит из архетипов (т. е. моделей) первичного человеческого опыта. Автор указывает, что архетипы обязаны своим появлением исключительно наследственности. Архетипы — это корреляты инстинктов, универсальные модели поведения и мышления, определяющие жизнь человека. В архетипах накопился опыт ситуаций, в которых бесконечному числу предков современного человека приходилось действовать определенным, повторяющимся образом. Вся совокупность архетипов составляет коллективное бессознательное, является итогом «родовой жизни, уходящей через тысячи поколений людей в животное царство» [6. С. 27]. Таким образом, мирской человек в любом случае несет на себе печать поведения и мышления религиозного человека, даже не сознавая этого.

М. Элиаде говорит о том, что религиозное поведение проявляется не только в форме многочисленных пережитков и табу современного человека, но и в огромном количестве светских обрядов, из которых была выхолощена религиозная значимость. Например, празднования Нового Года, но-

воселья, Дня рождения, бракосочетания, продвижения по карьерной лестнице, выхода на новую ступень социальной иерархии заключают в себе структуру обряда обновления. Скрытая мифология заключена в киноиндустрии, в книгах, в зрелищах. Кино заимствует и использует мифологические образы и мотивы: Красавица, Необыкновенный Ребенок (с тяжелым детством, но великим будущим), Плут (хитрый и удачливый, но при этом добродушный и веселый), Мудрый Старец или Старица, Опасное Путешествие, Добровольная Жертва, Смерть и Возрождение, Свет и Тьма, Рай и Ад, битвы и посвятельные испытания, борьба Героя с Чудовищем, и т. п. Что касается чтения, оно не только заменяет пересказ мифа, но и, подобно мифу, позволяет выйти из хронологического течения времени, «отменяет» время и заставляет пережить другую «историю». «Политические мистификации» и «социальные пророчества» также обнаруживают «мифологическую структуру и религиозный фанатизм» [5. С. 128].

Например, идея бесклассового общества К. Маркса повторяет миф о Золотом Веке, а национал-социализм — германское язычество. Существует бесчисленное количество сект, тайных школ и обществ, которые также относятся к сфере религии. Деформированное религиозное поведение проявляется даже в светских и «антирелигиозных» движениях, таких как нудизм и сексуальная революция (ностальгия по Райскому времени, когда не было разрыва между наслаждением тела и души). В повседневной жизни «борьба с трудностями», «преодоление испытаний, посланных судьбой»,хождение через различные этапы бытия приводит человека к психическому взрослению и расцвету и при этом повторяет мифологические сценарии посвящения. Приведем яркую цитату М. Элиаде: «Подавляющее большинство «неверующих», прямо говоря, не свободны от религиозного поведения, теологии и мифологии. Иногда они завалены ворохом магико-религиозных представлений, искаженных до карикатурного состояния, а потому и плохо узнаваемых. Процесс разрушения святости человеческого бытия не раз приводил к возникновению гибридных форм дешевой магии с обезьяньей религией. ... Таким образом, большинство «неверующих» живут под влиянием псевдорелигий и деформированных мифологий» [5. С. 128–129].

К.Г. Юнг в результате многолетних практических исследований пришел к заключению, что подавляющая часть жизнедеятельности человека проходит под воздействием импульсов, исходящих из «бессознательного». Причем по содержанию и структуре образы и сюжеты бессознательного удивительно похожи на мифологические. В частности, ученый столкнулся с тем, что фантазии некоторых душевнобольных совпадают с мифологическими космогониями древних народов; что современный человек, который ничего не знает о восточных таинствах, рисует или видит во сне мандалоподобные

фигуры, когда он находится на пути к целостности, к слиянию противоположенностей [7. С. 10]. (Мандала — это один из основных сакральных символов в буддийской мифологии, представляющий модель вселенной, «карту космоса», причем объектом моделирования становятся некие идеализированные параметры вселенной, соотношенные с системой высших сакральных ценностей [8. С. 100]).

К.Г. Юнг сделал вывод о том, что мифы являются неизбежным связующим звеном между сознательным и бессознательным. Сами по себе архетипы (мифообразующие структурные элементы в бессознательной психике) не входят в сознание, в чувственный опыт. В сознание входят «архетипические образы», уже подвергнутые сознательной переработке и принявшие вид символов и оформленных мифов. В наиболее близкой к архетипу форме архетипические образы встречаются в сновидениях, галлюцинациях, мистических видениях [6. С. 27]. Самое непосредственное выражение архетипических образов на сознательном уровне — в мифах. «Мифы — это изначальные проявления досознательной души, произвольные высказывания о событиях в бессознательной психике...» [9. С. 89]. В мифах образы превращаются в символы, которые постепенно становятся все более совершенными по форме и общими по содержанию (например, Крест, Мандала, Спираль, Змей, Вещая Птица, Говорящие Животные, Великая Мать, Всеобщий Отец и т. п.). «Постепенно формируются мировые религии, которые содержат тайное сокровенное знание и выражают тайны души с помощью величественных образов. Их храмы и священные писания возведают в образе и слове освященные древностью учения...» [6. С. 28]. (Учитывая юнговское толкование мифа как связующего звена между сознательным и бессознательным, позволим себе заключить, что миф является первичным по отношению к религии. Таким образом, можно перефразировать приведенное выше выражение А.Ф. Лосева об отношении мифа и религии следующим образом: «Без *веры в священное* и без вопросов субстанционального самоутверждения личности в вечности не может появиться никакая мифология»).

М. Элиаде полагает, что содержание и структура бессознательного являются результатом повторяющихся бытийных, в основном критических ситуаций, имевших место с древних времен. В этом его мнение совпадает с идеей К.Г. Юнга о «коллективном бессознательном». Но почему бессознательное обладает религиозной аурой? Прочитав мнение М. Элиаде: «всякий... кризис бытия имеет «религиозный» характер, так как на древнем уровне культуры *бытие* отождествляется со *священным*. ... В основе Мира лежит опыт познания священного, и даже самая примитивная религия — это прежде всего онтология. Иначе говоря, поскольку бессознательное является результатом бесчисленных опытов познания бытия, оно не может не подходить на различные религиозные вселенные. Ведь

религия – это пример разрешения всякого кризиса бытия, потому что...она будто бы имеет истоки в высшем мире и, следовательно, расценивается как откровение... Религиозное решение не только способно разрешить кризис, оно делает существование «открытым» к особым ценностям, непреходящим и всеобщим, позволяющим человеку подняться над личными жизненными проблемами и в конечном итоге войти в мир духовного» [Везде курсив автора. 5. С. 130].

Сделаем вывод, что даже убежденно неверующий человек на бессознательном уровне приемлет религиозно значимое поведение. Однако это не делает его религиозным. Архетипические образы и мифологические символы обретают свое целостное значение и выполняют свою функцию ориентира и меры вещей только при наличии религиозного сознания. Мы бы назвали их мозаикой, которая складывается в законченную, гармоничную, осмысленную картину мира при наличии веры в священное. Оторванные от сознательной веры в абсолютную реальность, архетипические образы и символы в снах, мечтах и видениях современного человека не могут подняться до мифов и их онтологической значимости. Человек не обобщает свой частный опыт, не представляет его как часть Целого. Без поддержки сознательной религиозности опыт, получаемый человеком из сновидений, не образует мировоззрения и основу поведения. «Бессознательная деятельность современного человека без конца предоставляет ему бесчисленное множество символов, и каждый из них...сообщает о какой-то миссии, которую предстоит выполнить, чтобы обеспечить равновесие психики или ее восстановление». Однако в мире воображения современного неверующего человека символ не пробуждает полностью сознание, не выполняет полностью свою функцию. Архетипический образ «лишь отчасти «вызывает» человека из той ситуации, в которой он находится, позволяет ему, например, погасить внутренний кризис и вновь обрести утраченное на какое-то время душевное равновесие» [5. С. 131]. То есть, деятельность бессознательного поддерживает неверующего человека современных обществ, предлагает решение проблем его жизни и в этом исполняет роль религии. «В некотором смысле можно даже утверждать, что и у тех наших современников, которые объявляют себя неверующими, мифология и религия «скрыты» в глубине подсознания» [5. С. 131–132].

Мысль М. Элиаде о необходимости для психического здоровья человека осознанного единства с бессознательным через религию совпадает с идеей К.Г. Юнга. Согласно последнему, религиозный че-

ловек сохраняет гармонию со своим внутренним миром архетипов при помощи мифов, магии, ритуалов. Отрыв сознания от бессознательного описывается в мифологии как грехопадение, например в Ветхом завете в связи с грехопадением Адама и Евы говорится «станете как боги, ибо познаете добро и зло». Современный нерелигиозный человек оказался в опасном отрыве от жизненной почвы. Разрушение символической картины мира «привело к духовной опустошенности, конфликтам, войнам, абсурдным политическим и социальным идеям, и, конечно же, к колоссальному росту числа психических заболеваний. ...Энергия архетипов не усваивается, они вторгаются в сознание в виде политических пророчеств «вождей» [6. С. 29]. «Даже если бы все религиозно-мифологические традиции были одним ударом уничтожены, то вся мифология возродилась бы уже в следующем поколении, поскольку символы религии и мифологии укоренены в психике каждого индивида, они унаследованы нами от тысяч поколений. Массы всегда живут мифами, от них в переходные эпохи могут извратиться лишь небольшие группы людей, да и они крушат старые мифы, освобождая место для новых; но это «новое» в действительности есть лишь забытое старое» [6. С. 22].

После всего сказанного может возникнуть вопрос: был ли первый религиозный миф *сознательно* выработан древним человеком в незапамятные времена (и только через много поколений закреплён в бессознательном, чтобы далее передаваться генетически)? Или первый религиозный миф явился необходимым, логическим продуктом мифообразующих структурных элементов бессознательной психики? В первом случае «священное», «абсолютная реальность» – не более чем мистификация, плод человеческого разума. Нам представляется правдоподобным второе предположение. Религия обеспечивает целостность существования, и только после этого человек выстраивает систему ценностей. Значение религии можно кратко проиллюстрировать известной фразой английского этнографа и религиоведа Дж. Фрэзера: «Вся культура – из храма» [Дж. Фрэзер. Цитата по: 10. С. 27]. Религия является основой нравственности, социальных, правовых и моральных норм, движущей силой развития культуры и искусства, одним словом, всего, что является характерными признаками человеческого общества. Трудно представить, как развивались бы культура и цивилизация, если бы они были построены только на диктате разума, единственной поддержкой которому служит воля к выживанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий. – М.: Академический Проект, 2008. – 622 с.
2. Мень А. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: В семи томах. Т. 2. Магизм и единобожие. – М.: СП «Слово», 1991. – 462 с.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Академический Проект, 2008. – 303 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Мысль, 2001. – 559 с.
5. Элиаде М. Священное и мирское – М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. – 143 с.

6. Юнг К.Г. Аналитическая психология. – М.: Мартис, 1995. – 320 с.
7. Фрейд З. Тотем и табу. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 256 с.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Т. 2. К.-Я. – М.: НИ «Большая Российская Энциклопедия», 1998. – 720 с.
9. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – М.-Киев: Порт-Рояль-Совершенство, 1997. – 384 с.
10. Мень А. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни: В семи томах. Т. 1. Истоки религии. – М.: СП «Слово», 1991. – 287 с.

Поступила 20.05.2009 г.

УДК 111.1(07)

ИДЕЯ КОНЦЕПЦИИ МИРА ПО МИФОЛОГИИ РУССКОЙ СКАЗКИ

Т.И. Суслова, А.А. Суслов

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники
E-mail: as8282@list.ru

Исследуется вопрос о первичной форме осознания мира, понимании вселенского мироустройства на основе сюжетов русских сказок. Продемонстрирована взаимосвязь мифа и русской сказки на основе пространственно-временного, социокультурного анализа представлений наших предков о мире и своем месте в нем.

Ключевые слова:

Миф, мифология, сказка, культурная идентификация, самобытность, космогенез.

Сказка в отечественной культуре занимает важнейшее место. Ей по праву принадлежит великая мудрость всего русского народа, закрепленная столь пронзительным и чарующим способом в сказительных сюжетах, персонажах, известных нам с раннего детства. Сказка как форма мироощущения свойственна многим народам, она воспринималась и воспринимается сейчас как истинное традиционное культурное наследие.

Русская сказка чрезвычайно самобытна и уникальна. Главнейшей ее особенностью является огромное информационное и культурно-нравственное содержание. Сказка, являясь наследием устного народного творчества для народа, ведущего традиционный образ жизни, заменила то, что на Западе получило название философии, а на востоке – мудрость Будды, Лао-Дзы, Мухаммеда [1]. Иными словами, сказка в понимании наших предков – это древняя наука – миф, первое представление людей о реальности, о мироустройстве и вселенной. Между тем, перепетии сюжетов и характеристики сказочных персонажей отчетливо разграничивают понятие зла, добра, корысти и душевности, позволяют всецело воспринять эти важнейшие нравственные и философские категории. Мифологическая сущность сказки волновала в разные годы многих исследователей философов, культурологов, историков [2]. Долгое время сказка заменяла людям в целом науку о мире природы и людей. В чем же кроется волшебство русской сказки и одновременно ее реальность? В чем основы русского мифа и его поразительной стойкости?

Все эти вопросы вероятно так и останутся без ответов. Особенность мифа кроется в его иррацио-

нальности и непостижимости. Попытаемся высказать некоторые предположения относительно первопричин проявления русского мифа в сказках. Одной из главных причин, объясняющих стойкость русского мифа, выступает сам уклад жизни Руси, ее традиционная культура, уверенно преодолевающая столетия за столетием, сохраняя свою самобытность и уникальность [3]. Не последнюю роль здесь сыграла феодально-сословная иерархия общества. Она выступала долгое время лишь как средство и возможность обладания большими правами и достатком, что вовсе не приводило к появлению элитарной культуры. Вероятно этим можно объяснить какое-то равновесное состояние в сюжетах сказок царей, крестьян и горожан. В сказках явно отсутствовала тенденция подчеркнуть значимость царствующих особ, а если и выделялось их доминирующее положение, то каким-то шутивным незатейливым образом, что указывало на относительное социальное равенство всех людей. Тем не менее, сказки никогда не содержали призыва к неповиновению и непослушанию, они лишь указывали, что власть осуществляется людьми, такими же как и все, со своими недостатками и достоинствами. Поэтому, выполняя приказы царей, сказки учили думать и принимать решения ни себе, ни власти во вред. Следует отметить, что жизнеспособность традиций Руси обусловлена была и социально-классовой структурой общества. Долгое время преобладающим сословием были крестьяне. Численность городского населения стала преобладать над сельским только в середине XX в. (1955 г.). Крестьянский менталитет, сознание, тысячелетний опыт предков уверенно соседствовал со всеми происходящими изменениями в стране [4].